

УДК 167.7; 172.13

Н. С. Розов

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090*

nrozov@nsu.ru

ДИНАМИКА ДОВЕРИЯ И ОТЧУЖДЕНИЯ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА*

Раскрываются механизмы и выявляются дифференцирующие условия развития отношений доверия и отчуждения в ситуациях социально-политического кризиса. На основе интеграции классических и современных социопсихологических концепций сформулирован комплекс предпосылок относительно свойств человеческой природы и социального взаимодействия: о стремлении к трем типам комфорта, способности по-разному отвечать на выборы, зависимости этих ответов от ранее обретенных габитусов и установок участников взаимодействия, формирования последних в интерактивных ритуалах через механизмы положительного и отрицательного подкрепления. Показано, что при единой природе человеческих стремлений и социальных взаимодействий динамика конфликта может приводить к противоположным результатам: как негативные вызовы-угрозы, так и позитивные вызовы-возможности в разных условиях ведут к ответам, последовательность которых обуславливает подкрепления для установок доверия или отчуждения, ведущих, соответственно, либо к институционализации мирного разрешения конфликтов, либо к эскалации враждебности и насилия.

Ключевые слова: доверие, отчуждение, социально-политический кризис, социальные установки, габитус, вызовы и ответы, оперантное подкрепление, интерактивные ритуалы.

Доверие и солидарность, отчуждение и враждебность являются противоположными полюсами в сложной динамике отношений между субъектами (индивидами, группами, сословиями, социальными классами, государствами). В конфликтные периоды, в частности в революциях и социально-политических кризисах, эта динамика становится особенно острой и драматичной: кроме растущей враждебно-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ»).

сти между противниками и роста внутренней сплоченности каждой стороны (классические принципы Г. Зиммеля и Л. Козера [Козер, 2000]), имеют место расколы и создание новых коалиций, предательство по отношению к бывшим соратникам и союзы с прежними врагами.

Есть ли общие закономерности динамики доверия и отчуждения в необъятном разнообразии конфликтных ситуаций? Примем в качестве исходных предпосылок наличие следующих фундаментальных универсалий в человеческой природе и природе социальных отношений:

- стремление индивидов и групп (в широком смысле) к надежности жизнеобеспечения, социальному комфорту (безопасности, благосостоянию, признанию, влиятельности и власти), духовному комфорту (следовании принятым святыням и ценностям);
- способность людей по-разному отвечать на вызовы, угрожающие комфорту или дающие перспективы повышения комфорта;
- зависимость этих ответов от ранее обретенных габитусов как комплексов установок: познавательных (фреймы), ценностных (символы, сакральные объекты), экзистенциальных (идентичности), поведенческих (стереотипы реакций, действий, практик, стратегий);
- формирование и смена этих установок в интерактивных ритуалах – эмоционально насыщенных групповых действиях с общим фокусом внимания и созданием общей субъективной реальности;
- зависимость утверждения / разрушения установок от положительного или отрицательного их подкрепления в ритуалах осмысления, переживания текущих событий, связанных с ними позиций и действий, правоты или неправоты.

Эти предпосылки, соединяющие теоретические (в том числе, хорошо эмпирически подкрепленные) положения социально-филозофских, социологических и психологических концепций Э. Дюркгейма, А. Маслоу, И. Гофмана, Дм. Узнадзе, П. Бурдьё, Р. Коллинза, Б. Скиннера и др., послужат здесь для выявления принципиальных механизмов и закономерностей динамики доверия и отчуждения. Действительно, если предпосылки верны, то эти механизмы и закономерности должны им соответствовать, что позволяет также выявить дифференцирующие условия, определяющие векторы динамики к доверию или отчуждению. Если же никакой убедительной модели генезиса доверия и отчуждения не удастся построить на основе этих предпосылок, то последние сами должны быть поставлены под вопрос и подлежать пересмотру, коррекции или даже замене на более адекватные.

Рассмотрим некую условную ситуацию социально-политического кризиса в обществе, чреватого революционными событиями и смелой власти.

Нарушение социально-политической стабильности – кризис режима – возникает в условиях накопленных напряжений в известных аспектах (от делегитимации власти и провалов во внешней политике до избытка молодых безработных мужчин в столице [Коллинз, 2015; Голдстоун, 2015; Цирель, 2011; Розов, 2016]). Вспышку возмущения обычно вызывает шокирующий вызов (серия вызовов). Ответом на кризис является изменение установок и поведения влиятельных групп в обществе. В зависимости от характера вызова, а также от неких внутренних и внешних условий это изменение получает направленность либо в сторону антагонистического конфликта и принуждения, либо в сторону сотрудничества, состязаний и институтов разрешения конфликтов.

Согласно вышеуказанным предпосылкам, установки, поведенческие стратегии и практики существенно меняются в интерактивных ритуалах [Goffman, 1967; Коллинз, 2002. Гл.1], а единая направленность такого изменения означает, что происходит положительное подкрепление одного комплекса установок и отрицательное подкрепление других [Розов, 2011. Гл. 3].

Допустим, попытки продолжать обмены и сотрудничество, договариваться о правилах взаимодействия жестоко проваливаются (отрицательное подкрепление), тогда как собственные агрессивные атаки ведут к явным победам (положительное подкрепление), а чужие атаки все больше убеждают, что мирно уже ничего не наладить, что надо защищаться, мобилизоваться, бороться и мстить. Когда такие процессы происходят в разных группах в отношении друг друга, имеет место типичная эскалация конфликта с вероятным ростом мобилизации, властной иерархии и принуждения в каждом лагере. Назовем сложный комплекс таких процессов *паттерном подкрепления стратегий отчуждения*, или короче: *паттерном отчуждения*.

Напротив, в других условиях попытки начинать или продолжать агрессивные атаки оборачиваются провалом и ущербом (отрицательное подкрепление), тогда как начавшаяся коммуникация обещает заманчивые выигрыши, а попытки реализовать договоренности – уступки, обмен, совместные действия, взаимный контроль и т. д. – вдруг оказываются успешными (положительное подкрепление), что ведет к новым раундам переговоров, повышению доверия и уровня сотрудничества, налаживания структур мирного разрешения конфликтов и правил состязаний, конкуренции. Этот комплекс

процессов назовем *паттерном подкрепления стратегий доверия*, или короче: *паттерном доверия*.

Условия паттерна отчуждения

Вызовы, т. е. макрособытия, требующие существенного изменения поведения влиятельных групп [Розов, 2011. Гл. 2], можно поделить на *негативные* – вызов-ущерб и вызов-угроза, и *позитивные* – вызов-шанс, вызов-перспектива, вызов-приманка.

Могут ли позитивные вызовы приводить к паттерну отчуждения? Разумеется. Яркая литературная метафора содержится в одном из рассказов Р. Киплинга про Маугли, нашедшего в пещере королевский анкас – боевой топор, испещренный драгоценными камнями и золотом. Находка анкаса была для каждого персонажа рассказа позитивным вызовом-шансом: возможностью сказочно обогатиться. Однако анкас послужил причиной серии убийств в цепочке жаждущих присвоить такое богатство. Исторически реальным и масштабным примером могут служить войны между европейскими державами из-за колоний и за колонии.

Обобщим эти, казалось бы, несопоставимые случаи и отметим способствующие паттерну отчуждения условия:

- шанс может быть реализован только одним соперником (или каждый в этом уверен), т. е. имеет место *игра с нулевой суммой*;
- привлекательное благо не делится;
- участники имеют свой или чужой *опыт агрессивной, насильственной борьбы* за неделимое благо;
- нет внешних достаточно авторитетных и могущественных социальных структур, которые препятствовали бы эскалации конфликта и ограничивали бы взаимные агрессию и насилие.

Пожалуй, в большинстве случаев к паттерну отчуждения ведут негативные вызовы, представляющие собой либо прямой ущерб (утрата, появление дефицита или помехи, обнищание, ограбление, нападение, вытеснение, завоевание, порабощение, унижение), либо угрозу ущерба. Если причина ущерба или фактор угрозы являются внешними относительно общества, то резонно ожидать, скорее, консолидации групп в ответ на такой вызов. Однако и в этих случаях бывает рост внутреннего отчуждения, когда причина угрозы с той или иной степенью (не)справедливости приписывается какой-то группе в обществе. Так, в инфляции могут обвинять банкиров, в эпидемии чумы – врачей, в военных поражениях – царскую семью и цен-

тральную бюрократию, в алкоголизации населения – евреев, в экономическом спаде – профсоюзы рабочих и т. д.

Вообще говоря, *атрибуция вины за ущерб или угрозу*, последующие обмены обвинениями – это типичное начало паттерна отчуждения. Такие обвинения вполне могут иметь объективную основу, когда, например, банки вполне безответственно выдают кредиты, что затем через «эффект домино» приводит к масштабному экономическому кризису. Однако большую роль играют также когнитивные установки – привычные *фреймы*, связывающие определенный ущерб с определенными группами.

Вне зависимости от степени оправданности обвинений спусковым крючком для запуска паттерна отчуждения и эскалации антагонистического конфликта является связка: ущерб → взаимное приписывание вины → попытки наказания и подавления «назначенных виновными».

Смещение внимания с преодоления вызова на подавление его виновников (реальных или предполагаемых) – типичный психологический эффект *сдвига мотива на цель*. Ритуалы обвинений, вражды, замыслов и реализации следующих атак становятся более частыми и внушительными, чем ритуалы реакции на сам вызов: ущерб или угрозу. Подкрепляющими этот паттерн начальными и сопутствующими условиями являются как имеющиеся внутренние «меню» организации ритуалов и стратегий наказания, подавления, а также отсутствие внешних ограничителей для такого поведения.

В число внутренних условий входят и культурные (доставшиеся от прошлых поколений) образцы, прежде всего, такие символы, смысловые гнезда, негативные ценности, как «враг», «предательство», «измена», «отмщение», «око за око» и т. д. Имеет место своеобразный «круговорот» паттерна отчуждения между установками, поведением, макрособытиями как следствиями этого поведения и ритуалами переживания макрособытий, ведущими к трансформации установок.

При этом смысловые связи между «наказанием виновника» и преодолением вызова ослаблены, мистифицированы или вовсе отсутствуют. Хрестоматийной является история о римских святошах, которые объясняли поражения от варваров недостаточным соблюдением девственности юными римлянками и все силы направляли на нравственные проповеди, наказания ослушниц, вместо того, чтобы вдохновлять сограждан на оборону.

Следует добавить, что «наказание виновника», независимо от своей справедливости, отнюдь не обязательно ведет к эскалации конфликта. Не редки ситуации, когда наказывающий гораздо сильнее

жертвы наказания и конфликт быстро разрешается победой одной стороны. Обычно победителем бывает авторитарный правитель или режим, пусть даже в результате этот режим больше скатывается к диктатуре, но в этих случаях общество не движется к распаду, хотя глухое напряжение, отчуждение могут сохраняться и нарастать.

Пока не сформируются силы, сопоставимые с силой режима, сам паттерн отчуждения и эскалации конфликта не будет актуализован. Таким образом, для последнего нужно добавить такое условие, как *паритетность*, сопоставимость ресурсов борьбы (влиятельность, массовая поддержка, сила, организованность) у сторон конфликта.

Но и при паритете сил остается возможность для сторон прекратить взаимные атаки, насилие, угрозы, перейти к переговорам и поиску компромиссов. Обычно этому препятствуют надежды каждой стороны на победу, провалы попыток переговоров и нарушения прежних договоренностей (см. выше), действительное коварство противников и подозрения в коварстве, приход к власти хотя бы одной стороны конфликта тех, для кого война и насилие – наиболее надежный способ сохранить и укрепить эту власть, тогда как переговоры, действительные компромиссы, уступки и мир угрожают делегитимацией и лишением власти.

Условия паттерна доверия

Из общих соображений следует учитывать способность и позитивных (новые шансы), и негативных (ущерб, угроза) вызовов запустить процессы, ведущие к росту доверия, обмена и сотрудничества.

В первом случае ожидаемое *благо должно быть делимым и способным к увеличению*, чтобы активность групп за его обладание не превращалась в «игру с нулевой суммой». Обнаружение новых типов продуктов и новых рынков сбыта в экономике, новых творческих стилей в искусстве, новых областей исследования в науке, новых идейных пространств в философии, новых физических эффектов и конструктивных принципов в технологиях – все это обещает выигрыши для многих участников, при том, что границы роста этих выигрышей обычно вообще не видны в начале пути. Поэтому в данных условиях следует, скорее, ожидать общего энтузиазма, вдохновенных обсуждений, создания новых кружков и союзов, чем взаимных обвинений и конфликтов. Вот когда в границах стиля становится уже тесно, тогда начинается «толкучка», сопряженная с ревностью, отстаиванием приоритета, обвинениями в плагиате. Такие процессы могут затормозить, даже остановить творчество и расцвет, но сами по себе

вряд ли приводят к антагонистическим конфликтам, чреватым распадом общества.

Во втором случае особенность ущерба и угроз состоит в том, что они приводят не только и не столько к взаимным обвинениям, сколько к консолидации. Разумеется, согласно классическому принципу Г. Зиммеля [1996] и Л. Козера [2000], именно общая угроза извне способствует консолидации группы для защиты и отпора.

Допустим, есть объективная или мнимая вина некоторой группы в появлении негативного вызова – ущерба или угрозы. Здесь виновника либо прощают из-за важности консолидации, либо наказывают так, что это не приводит к последующему отчуждению и эскалации конфликта. Такое происходит, когда самим виновником и окружающими наказание воспринимается не как подавление одного актора другим актором, а как справедливое *выполнение установленных правил*. Иными словами, значимым условием легитимности наказания и купирования конфликта является наличие признанных в обществе правил и институтов, согласно которым осуществляются санкции.

Однако отсутствие конфликта отнюдь не означает запуска паттерна доверия и движения к расцвету. Нужны добавочные факторы. Поскольку по условиям задачи растут обмен, партнерство, сотрудничество, то должна открываться сфера деятельности, причинным образом связанная с ущербом или угрозой.

Даже на отвлеченном теоретическом уровне становится понятен смысл искомого фактора. Люди объединяют усилия для восполнения какой-то возникшей общей и острой нужды. Иными словами, мы приходим к классической конструкции *спрос – предложение*, которую, однако, надо понимать гораздо шире, чем в узком – экономическом – смысле. Угроза военного нападения рождает спрос на оборонительные сооружения, на подготовку армии и снабжение ее оружием. Засуха рождает спрос на способы доступа к воде, ее добычи и сохранения. Цунами рождает спрос на системы раннего распознавания и оповещения. Рост преступности рождает спрос на развитие правоохранительных органов, добровольческих дружин, средств самозащиты, охраны имущества. Терроризм рождает спрос на создание эффективных спецслужб и средств распознавания готовящихся терактов.

Почему ущерб и угроза начинают трактоваться как спрос? Вероятно, главным остается *эффект колеи* (склонность к повторению ранее пройденного пути): есть успешный опыт создания коалиций, организаций, проектов для преодоления прошлых вызовов. Также должна появиться известная возможность создания новых социальных це-

лостностей, в рамках государства или вне его, направленных на преодоление новых угроз и ущерба.

Допустим, в обществе произошла консолидация, в ответ на вызов дан эффективный ответ, ущерб или угроза, воспринятые как спрос, получили адекватное предложение. На этом процесс может остановиться и паттерн доверия не получит дальнейшего развития. Для этого должен появиться *новый спрос*, либо должны появиться *новые позитивные вызовы* – открывающиеся привлекательные возможности.

Естественная причина нового спроса заключается в *появлении новых дефицитов и помех* в деятельности. Для постройки фортификаций, для создания и вооружения армии, эффективных спецслужб, для сохранения воды, для предотвращения пожаров, для остановки роста преступности, наркомании, эпидемий всегда чего-то не хватает, а даже когда всего хватает, то возникают помехи, препятствия для достижения целей. Иными словами, кооперативная деятельность, отвечающая на начальные вызовы, приводит к новым спросам, требующим новой кооперации и новой деятельности.

Кроме того, достигнутые результаты часто открывают *новые, ранее отсутствовавшие возможности*. Построенные для борьбы с засухой плотины и каналы позволяют обрабатывать новые земли. Созданная для обороны армия оказывается сама способной к завоеваниям. Искусственные спутники, изобретенные в ходе гонки вооружения и государственного престижа, оказались полезны для множества новых сфер приложения от метеорологии и телевидения до электронных коммуникаций и космических телескопов. Придуманый для координации американских военных сил Интернет до сих пор продолжает открывать все новые и новые глобальные возможности в гражданской сфере.

Фактически здесь развивается известная схема А. Тойнби, объяснявшего рост цивилизаций через серию вызовов и серию эффективных ответов на эти вызовы [1991]. Добавление состоит в упоре на особую способность групп в обществе систематически воспринимать новые трудности, неприятности, проблемы, открывающиеся возможности *в качестве спроса, требующего новых форм сотрудничества* (коалиций, проектов, организаций, деятельностей, структур обеспечения), причем лидеры и участники этого сотрудничества должны *вознаграждаться за успех* в предоставлении адекватного предложения на этот спрос.

Также, кроме начальных условий (опыта прошлого успеха ответов на спрос) требуются сопутствующие условия, с одной стороны, позволяющие добиваться успеха новым коалициям, что подкрепляет отно-

шения сотрудничества и взаимного доверия, солидарности, а также поставляющие новые негативные и позитивные вызовы, воспринимаемые группами в качестве новых сфер спроса, причем его успешное удовлетворение обеспечено механизмами вознаграждения.

Структуры конкуренции и мирного разрешения конфликтов

Дефицит ресурсов и дефицит мест в иерархиях власти, богатства, социального статуса, престижа – это универсальные условия человеческого существования с редкими и временными исключениями. Соответственно, конкуренция за эти дефицитные места имеет также всеобщий и неизбежный характер. Долгое отсутствие какой-либо борьбы и конкуренции за власть, престиж и богатство указывает, скорее, не на достигнутую мудрость, самодостаточность человеческой природы, сколько на эффективные социальные механизмы подавления базовых стремлений (например, в жестком кастовом, рабовладельческом, крепостном обществах, в монастырях, тюрьмах и трудовых лагерях).

Как мы уже видели, борьба за дефицитные места и ресурсы может приводить к антагонистическим конфликтам, особенно при негативных вызовах и взаимных обвинениях. При каких же условиях эта борьба получает не просто мирный характер, но также способствует паттерну доверия и расцвету всего общества?

По-видимому, первым и главным условием является жесткий *запрет на насилие и принуждение угрозой насилия* вне общих безличных правил. Действительно, без такого запрета либо сильнейшая группа установит репрессивный режим в отношении остальных групп, либо будет происходить постоянная распря между примерно равными по силе группами с рецидивирующим насилием. В обоих случаях нет никаких стимулов для создания механизмов мирного разрешения конфликтов, систем правил для состязаний и конкуренции [Норт и др., 2011].

Запрет на насилие может быть установлен как правящей группой, так и противоборствующими группами. В обоих случаях ключевое условие состоит в том, что издержки и опасности насильственной борьбы оказываются больше, чем издержки, опасности отказа от нее и ограничения насилия сводом правил, соответствующими институтами контроля (общим собранием, судом) [Гельман, 2007].

Актеры конкуренции (амбициозные индивиды, группы, партии, производители и торговцы), лишённые возможностей пробивать

себе дорогу силой, вынуждены договариваться между собой, кому и на каких основаниях давать первенство, как занимать места в иерархиях, кому давать тот или иной доступ к ресурсам и т. д. В истории известно множество таких критериев, наиболее распространенными из которых являются аристократическая родовитость, местничество как ее частный случай, поединки, жребий, указания в мистических ритуалах, геройство и успехи в войне, охоте, спортивных состязаниях, риторическое искусство как способность получать публичную поддержку, накопленное богатство и имущественный ценз, экономический успех на рынках, решение жюри (группы уважаемых авторитетов), назначение общепризнанным монархом или духовным лидером, наконец, выборы – аристократические (как в Священной Римской империи), олигархические (как в средневековой Венеции) или демократические (с весьма различной широтой избирательного права) [Тилли, 2009; Норт и др., 2011; Коллинз, 2015. Гл. 4].

Здесь нет задачи выяснить преимущество того или иного механизма состязания и борьбы за дефицитные позиции. Для условий паттерна доверия, ведущего к расцвету общества, важны только долговременные следствия таких механизмов:

1) чтобы критерии выигрыша вели к напряжению усилий участников в деятельности, способствующей эффективному ответом на вызовы, удовлетворению общественного спроса в той или иной области, развитию новых, полезных людям предметов, процессов, структур, новых сфер активности, и в качестве итога – расцвету общества;

2) чтобы участие в состязании было открытым, и индивиды, группы с большим потенциалом не отвергались по каким-то внешним критериям (сословным, расовым, этническим, конфессиональным, гендерным, партийным, идеологическим и т. д.);

3) чтобы оставались открытыми каналы вертикальной мобильности, сохранялась свобода создания организаций, и захватившие высшие позиции элиты не превращались в замкнутую секту, тормозящую продвижение новых талантов (ср.: [Норт и др., 2011]).

Общее требование к сопутствующим условиям паттерна доверия, ведущего к расцвету, состоит в систематическом положительном подкреплении идей, лидеров и результатов сотрудничества, эффективно отвечающего на вызовы, в подкреплении, способствующем признанию действия институтов и правил разрешения конфликтов, состязаний и конкуренции, а также в отрицательном подкреплении раздоров, нарушения правил и соскальзывания к неправомерному насилию.

Успехи (положительное подкрепление) и провалы (отрицательное подкрепление) зависят не только от самого качества сотрудничества

и институтов (рациональности, правильности, адекватности, профессионализма, обеспеченности средствами), но и от сложившихся внешних обстоятельств, расстановки сил, от попадания в те или иные периоды охватывающих циклов, наконец, от случайных сочетаний факторов [Даймонд, 2008].

Паттерны доверия зависимы и уязвимы от провалов, особенно на начальных этапах, когда слабые ростки новых структур и практик могут быть легко дискредитированы и подавлены. На тех же начальных этапах исключительно важны успехи. Когда связи доверия, институты и правила укрепились, провалы уже не могут их разрушить, но трактуются как новые вызовы, как спрос на новые проекты и практики [Коллинз, 2015. Гл. 4].

Кроме этого, успехи и провалы имеют не только объективную, но и субъективную природу, т. е. зависят от направленности каузальной атрибуции: в чем члены коалиции увидят причины провала и какой вывод на будущее из него сделают. Вина может быть возложена либо на внешние силы и обстоятельства (тогда требуется дальнейшее сплочение), либо на просчеты, ошибки, предательство кого-то из лидеров (тогда возникает риск раскола, подрыва паттерна доверия и распада группы, коалиции), либо на недостаточные усилия (тогда делается упор на те же цели и задачи), либо на ошибочность стратегии (тогда ведется поиск альтернатив при сохранении сотрудничества).

Итак, на основе комплекса теоретических положений, взятых в качестве предпосылок, выявлены механизмы и дифференцирующие условия, определяющие векторы динамики доверия и отчуждения. Единая природа человеческих стремлений и социальных взаимодействий в разных условиях ведет к противоположным результатам.

Список литературы

Гельман В. Из огня да в полымя? Динамика изменений постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007. № 2. С. 81–108.

Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.

Даймонд Дж. Коллапс. М.: АСТ, 2008.

Зиммель Г. Избранное: М.: Юрист, 1996. Т. 1–2.

Козер Л. А. Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000.

Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015.

Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2002.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011.

Розов Н. С. Революционные волны в мировой истории: динамические модели роста и угасания // ЭКО. 2016. № 10. С. 78–95.

Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. М.: Территория будущего, 2009.

Тойнби А. Постигжение истории. М.: Прогресс, 1991.

Цирель С. В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена. 2011. Вып. 8. С. 174–209.

Goffman E. Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. New York: Anchor, 1967.

Материал поступил в редколлегию 15.12.2016

N. S. Rozov

*Institute of Philosophy and Law, SB RAS
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

nrozov@nsu.ru

DYNAMICS OF TRUST AND ALIENATION DURING THE SOCIO-POLITICAL CRISIS

The relations of trust and exclusion in the situations of socio-political crises have a complex dynamics the trajectories of which depend of various inner and outer conditions. Theses trajectories and conditions are analyzed analytically in this paper. A set of preconditions to the properties of human nature and social interaction is formulated. It is based on the integration of classical and modern socio-psychological conceptions: striving for three types of comfort (life necessities, social comfort, and spiritual comfort), ability to respond differently to challenges, dependence of these responses on

previously acquired habitus and attitudes of participants, formation of these rituals through the mechanisms of positive and negative reinforcement. It is shown that the common nature of human aspirations and the dynamics of social interactions during conflict can lead to opposite results. Both negative and positive challenges (threats and opportunities) in different conditions lead to responses a sequence of which causes reinforcements for trust or alienation that lead respectively to the institutionalization of conflict resolution mechanisms or to the escalation of hostility and violence.

Keywords: trust, alienation, socio-political crisis, social attitudes, habitus, challenge and responses, operant reinforcement, interactive rituals.

References

Collins R. *Makroistoriya: ocherki sociologii bolshoi dlitelnosti* [*Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Duration*]. Moscow, URSS Publ., 2015. (In Russ.)

Collins R. *Sociologiya filosofii. Globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya* [*Sociology of Philosophies. The Global Theory of Intellectual Change*]. Novosibirsk, Sibirskii Khronograf, 2002. (In Russ.)

Coser L. A. *Funktsii socialnogo konflikta* [*The Functions of Social Conflict*]. Moscow, Dom intellektualnoi knigi, Ideya-press, 2000. (In Russ.)

Diamond J. Collapse. New York, Viking, 2008.

Gelman V. Iz ognya da v polymya? Dinamika izmeneniy postsovetских rezhimov v sravnitel'noy perspektive [Out of the frying pan into the fire? The dynamics of changes in post-Soviet regimes in a comparative perspective]. *Polis*, 2007, no 2, p. 81–108. (In Russ.)

Goffman E. *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York, Anchor, 1967.

Goldstone J. *Revolutsii. Ochen' kratkoe vvedenie* [*Revolution. A Very Brief Introduction*]. Moscow, Izdatelstvo Instituta Gaydara, 2015. (In Russ.)

North D., Wollis J., Weingast B. *Nasilie i sotsialnye poryadki. Konceptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoi istorii chelovechestva* [*Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*]. Moscow, Izdatelstvo Instituta Gaydara, 2011. (In Russ.)

Rozov N. S. *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategiy Rossii v 21 veke* [*Track and Pass: Macrosociological Foundations for Russian Strategies in the 21st Century*]. Moscow, ROSSPEN, 2011. (In Russ.)

Rozov N. S. Revolyutsionnye volny v mirovoi istorii: dinamicheskie modeli rosta i ugasaniya [The revolutionary waves in world history: the dynamic models of rise and demise]. *EKO*, 2016, no. 10, p. 78–95. (In Russ.)

Tilly Ch. *Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva, 990–1992* [Coercion, Capital, and European States, 1990–1992]. Moscow, Territoriya buduschego, 2009. (In Russ.)

Toynbee A. *Postizhenie istorii* [Study of History]. Moscow, Progress, 1991. (In Russ.)

Tsirel' S. V. Revolyutsionnye situatsii, revolyutsii i volny revolyutsii: usloviya, zakonomernosti, primery [The revolutionary situations, revolutions, and revolutionary waves: conditions, regularities, examples]. *Oikumenena*, 2011, no. 8, p. 174–209. (In Russ.)

Zimmel G. *Izbrannoe: Vols. 1–2* [Selected Works: Vols. 1–2]. Moscow, Yurist Publ., 1996. (In Russ.)